

**В.А. Васильева,
М.А. Кашина,
С. Ткач**

**V. Vasileva,
M. Kashina,
S. Tkach**

**ПОВЫШЕНИЕ
ЗНАЧИМОСТИ
ОТЦОВСКОЙ РОЛИ
КАК НЕДООЦЕНЕННЫЙ
РЕСУРС РЕГИОНАЛЬНОЙ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ
ДЕПОПУЛЯЦИИ ***

**THE SIGNIFICANCE OF
PATERNAL INVOLVEMENT
AS AN UNDERUTILIZED
RESOURCE FOR
REGIONAL DEMOGRAPHIC
POLICY IN ADDRESSING
DEPOPULATION**

Аннотация

Превышение смертности над рождаемостью в 2024 г. наблюдалось в абсолютном большинстве субъектов Российской Федерации. Жесткая пронаталистская демографическая политика, проводимая в стране с начала 2000-х годов, пока не смогла переломить негативные тенденции. Это актуализирует поиск новых ресурсов роста рождаемости, выходящих за пределы фамилистской политики, сфокусированной на поддержке материнства. Обзор отечественных и зарубежных источников показывает, что существуют разные подходы к оценке роли отцов в демографических процессах. Исследовательский вопрос данной статьи: при каких условиях повышение внимания к вовлеченному отцовству и его культивирование может стать дополнительным ресурсом региональной демографической политики в России. Теоретическая рамка: теория гендерного перехода и теория эволюции типов семьи. Дизайн исследования – монографическое, анализируется ситуация в одном из самых депопуляционных регионов страны – Псковской области. Методы исследования: анализ вторичных источников, анализ статистических данных. Результаты. Ухудшение демографической ситуации в Псковской области началось довольно давно, при этом, несмотря на реализацию ре-

Abstract

This study addresses the persistent demographic challenges faced by the Russian Federation, particularly the negative natural population growth observed across most constituent entities, including in 2024. Despite the implementation of comprehensive pro-natalist policies since the early 2000s, primarily focused on maternal support (familistic approach), these measures have proven insufficient to reverse prevailing negative trends. This necessitates an exploration of alternative or complementary resources for regional demographic policy, specifically focusing on the potential role of fatherhood involved. Research Problem: While existing literature offers diverse perspectives on the father's role in demographic processes, there remains a gap concerning the potential of promoting paternal involvement as a deliberate policy tool within the Russian regional context. This article investigates the conditions under which increased attention to, and support for, involved fatherhood can serve as an additional resource for regional demographic policy in Russia. Theoretical Framework: The analysis is grounded in gender transition theory and the theory of family type evolution, which provide frameworks for understanding shifting gender roles and family structures in relation to demographic change. Methodology: Employing a case-study approach, the

гиональными властями комплекса мероприятий по поддержке семьи и материнства, регион не улучшает свои показатели по сравнению с другими субъектам Северо-Западного федерального округа. Мероприятия по повышению отцовской роли носят в области характер низового общественного движения, по отношению к которому органы власти занимают позицию только информационной и организационной поддержки. В то же время опыт зарубежных стран показывает, что существует прямая связь между повышением рождаемости и наличием оплачиваемого отпуска для отцов по уходу за ребенком и институциональных возможностей для совмещения работы и воспитания детей. Это говорит о необходимости не только идеологической, но и финансово-правовой поддержке отцовской роли со стороны государства. Направления дальнейших исследований: сравнительный анализ общественной активности родителей-мужчин в разных регионах страны; моделировании демографических процессов для оценки значимости фактора вовлеченного отцовства.

research examines the situation in the Pskov region, one of Russia's most acutely depopulated areas. The study utilizes analysis of secondary sources, including demographic statistics and policy documents, to evaluate the current state and potential of paternal involvement within the regional context. Findings indicate that the Pskov region exhibits persistently negative demographic trends despite regional efforts supporting family and motherhood, lagging behind other subjects of the Northwestern Federal District. Initiatives promoting paternal involvement within the region largely originate from grassroots social movements, receiving limited official governmental support, primarily confined to informational and organizational assistance. Drawing upon international comparative evidence, the study suggests a positive association between birth rates and institutional support for involved fatherhood, particularly through measures such as paid parental leave for fathers and policies facilitating work-life balance. This underscores the necessity for the state to move beyond purely ideological support and provide substantial financial and legal backing for the paternal role. Future Research Directions: Future research directions include comparative analysis of the social activity of fathers in different Russian regions and quantitative modeling of demographic processes to assess the statistical significance of involved fatherhood as a factor influencing fertility rates.

Ключевые слова:

гендерные роли, демографический переход, отсутствующий отец, супружеская семья, репродуктивные установки, ролевой конфликт «семья-работа».

Key words:

Gender Roles, Demographic Transition, Father Escapism, Married Family, Reproductive Attitudes, Role Conflict "Family-Work".

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-2-153-180>

Статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

Процесс депопуляции в России продолжается. Численность населения страны за 2024 год сократилась на 27,7 тыс. человек и составила 146,0 млн человек. Естественная убыль на 95,4% компенсировалась миграционным приростом. Снижение числа родившихся и увеличение числа умерших отмечалось в 78 из 89 субъектов Российской Федерации. В целом

число умерших превысило число родившихся в 1,5 раза. в 57 субъектах Российской Федерации это превышение составило 1,5-2,7 раза. Одним из таких субъектов является Псковская область. Коэффициент естественной убыли населения на 1000 человек составил в ней в 2023 году 9,9, в 2024 году – 10,8. Для сравнения: в Санкт-Петербурге в 2023 году естественная убыль составляла 2,1 промилле, а в 2024 г. – 2,8¹.

Государственная политика по решению демографических проблем реализуется в России с помощью национальных проектов. В 2019-2024 гг. осуществлялся проект «Демография». На смену ему пришел проект «Семья» (2025-2030 гг.). В качестве его приоритетной цели заявлен перелом сложившихся демографических тенденций, обеспечение устойчивого роста рождаемости, увеличение числа многодетных семей и рост благосостояния таких семей².

Работа по достижению этой цели будет вестись по следующим направлениям:

- совершенствование целостной системы поддержки семей с детьми;
- создание условий для успешного совмещения воспитания детей и получения образования, профессиональной реализации;
- поддержка многодетности, создание дополнительных стимулов для рождения вторых, третьих и последующих детей;
- охрана материнского и детского здоровья, укрепление репродуктивного здоровья граждан;
- формирование семейно-ориентированной инфраструктуры и оказание поддержки семьям в улучшении жилищных условий;
- развитие социальных услуг для старших поколений семей, продляющих их активное долголетие и обеспечивающих качественный уход;
- поддержка семей, которые воспитывают детей с инвалидностью;
- укрепление института семьи, продвижение в обществе семейных ценностей.

Сравнение инициатив, которые реализуются в рамках этих двух проектов, отчетливо показывает смену приоритетов государственной политики (табл. 1). Если проект «Демография» кроме помощи семьи решал вопросы укрепления здоровья населения и развития человеческого капитала, т.е. был направлен на повышение качества населения, то проект «Семья» во главу угла ставит поддержку многодетности и культивирование семейных ценности и семейной культуры.

¹ Социально-экономическое положение России. 2025. Демография. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801>.

² Татьяна Голикова представила нацпроект «Семья» на международной выставке-форуме «Россия». URL: <http://government.ru/news/52022/>

Таблица 1. Сравнительный анализ инициатив национальных проектов «Демография» и «Семья»

Инициативы Национальных проектов	
Демография (2019-2024)	Семья (2025-2030)
Помощь семьям при рождении детей	Многодетная семья Поддержка семьи Охрана материнства и детства
Старшее поколение	Старшее поколение
Общественное здоровье	Семейные ценности и инфраструктура культуры (в частности, Пушкинская карта, Культура для семьи)
Спорт – норма жизни	
Содействие занятости	

На первый взгляд в национальном проекте «Семья» материальные и финансовые меры поддержки семей с детьми дополняются идеологическими, поскольку речь идет о семейных ценностях и культуре. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что это не совсем так. Поддержка семьи строится на той же основе, что и в проекте «Демография» – это финансовые меры (материнский капитал, различные пособия семьям с детьми), а также развитие инфраструктуры по уходу за детьми (детские сады). Многодетная семья поддерживается в первую очередь материально — это оформление выплаты на погашение ипотеки – до 450 тыс. рублей и приоритет при заключении социального контракта. Охрана материнства и детства будет осуществляться через развитие инфраструктуры - женских консультаций, детских больниц и поликлиник. Работа по формированию семейных ценностей будет вестись через создание условий для совместного досуга членов семьи, т.е. развитие инфраструктуры учреждений культуры и отдыха. Старшее поколение будет поддерживаться через разработку и реализацию программы «Активное долголетие», уже доказавшей свою полезность в ходе осуществления проекта «Демография». Это образовательные проекты, творческие программы, занятия физкультурой и спортом, волонтерской деятельностью, культурные мероприятия для людей старшего возраста. Другими словами, государство берет на себя обязательства по созданию инфраструктуры для благополучной (хорошей) семейной жизни, а также облегчает финансовое бремя семьям с детьми, у которых низкие доходы. Информационно-мировоззренческая работа по культивированию ценности наличия детей в семье в проекте «Семья» явно не прописана.

Также без внимания остался в обоих национальных проектах такой важный участник семейной жизни как отец, акценты сделаны на поддержке материнства. Вопрос о том, может ли подобная политика привести к перелому неблагоприятных демографических тенденций в конкретном регионе – образует исследовательский фокус данной статьи.

Сегодня в российском научном поле роль отца стала предметом изучения многих исследователей (Латышева, 2013). Ученые отмечают, что в последние десятилетия произошли значительные изменения в структуре семьи (Безрукова & Самойлова, 2022), включая рост числа разводов, увеличение доли неполных семей, распространение консенсуальных союзов и рождений детей вне брака (Бурова, 2015; Оганесова, 2023). Эти процессы привели к ослаблению отцовского авторитета и снижению участия отцов в воспитании детей, что, в свою очередь, негативно сказывается на социализации и психологическом благополучии детей (Безрукова & Сорокина 2024). Проблема усугубляется социально-экономическими факторами, такими как высокая занятость мужчин, что ограничивает их возможности для вовлеченного родительства (Подкладова, 2016; Синельников, 2015). Исследуется такой феномен как «отсутствующий отец» (Kashina & Tkash, 2021).

Ориентация на более активное участие мужчин в воспитании детей, вызванная глобальными трансформациями семейных ролей и ожиданий, заметно возросла (Бекетова, 2022). Многие современные исследования указывают на переоценку стереотипов о роли мужчины только как «добытчика», а образ активного и эмоционально доступного отца закрепляется как социально одобряемый и ожидаемый феномен (Сопина, 2016, Бекетова & Мамедова, 2022). Возрастает количество инициатив и программ, направленных на поддержку отцов в их новой роли, как на правительственном уровне¹, так и на уровне отдельных сообществ².

Современные исследования подчеркивают переход от традиционной модели отца-кормильца к модели «вовлеченного отцовства», где отец активно участвует в повседневной жизни ребенка, включая уход, воспитание и эмоциональную поддержку. Эта тенденция особенно заметна в работах (Гурко, 2022; Безрукова, 2022), которые анализируют изменения родительских практик в России.

Увеличилось количество работ, посвященных положительному влиянию отца на когнитивное, эмоциональное и социальное развитие ребенка. Эти исследования (Шевченко, 2023; Илларионова & Горетая, 2023) демон-

¹ Всероссийское общественное движение «Отцы России». URL: <https://xn--h1aaqajhae0b0c.xn--p1ai/>; Всероссийская общественная организация «Союз отцов». URL: <https://www.xn--b1ajubaok6a9d.xn--p1ai/about/>; Фонд поддержки ответственного отцовства «Истоки». URL: <https://istokiotsovstva.ru/>.

² Поддержанный Московской областью проект НПО «Отец.Отцовство.Отечество» URL: <https://xn--90aubiar.xn--80af5akm8c.xn--p1ai/public/application/item?id=2ae2db48-73ac-4ded-b05c-e0a99a6632d9>.

стрируют, что отцы, вовлеченные в жизнь ребенка, способствуют формированию у него уверенности в себе и устойчивой идентичности.

В последние годы исследователи стали также обращать внимание на «постразводное отцовство», когда сохранение контакта с отцом после развода критически важно для адаптации ребенка, однако на практике это часто затруднено из-за юридических и социальных барьеров (Прокофьева & Валетас, 2002; Иванова, 2018; Безрукова & Самойлова, 2020).

При этом до сих пор сравнительно мало исследований посвящено роли отчимов и приемных отцов, хотя А.Ю. Горлатых (2025) и И.О. Шевченко (2018) показывают, что небιологические отцы могут и очень часто успешно выполняют родительские функции.

К сожалению, во многих этих исследованиях эмпирические данные весьма ограничены, сами работы носят теоретический характер и зачастую вообще не содержат эмпирики. Кроме того, ученые сталкиваются с трудностями при измерении уровня вовлеченности отцов и ее влияния на детей, так как многие аспекты отцовства носят субъективный характер (Илларионова, 2023).

Исследований места матери в семье и трудностей женщин, совмещающих семейные и профессиональные роли, несравненно больше. Проблему ролевого конфликта женщин «семья-работа» вообще следует признать центральной для российских ученых (Кашина & Клецина, 2023).

Возможно, это одна из причин того, что в документах российской семейной и демографической политики роль отца практически не отражена, как и не прописаны меры по ее поддержке.

В то же время роль активного и ответственного (вовлеченного) отцовства в достижении ключевых показателей демографической политики является предметом исследовательского интереса множества зарубежных работ, в которых эта роль анализируется в связке с мерами государственной политики.

В частности, М. Сикорска, рассматривая возможные пути повышения уровня рождаемости в Польше, отмечает, что в настоящий момент существуют два основных механизма повышения рождаемости, обладающие доказанной эффективностью:

1. Установление баланса между матерями и отцами в объеме ухода за ребенком. Данный баланс достигается за счет введения резервирования части отпуска по уходу за ребенком за отцами — так называемой отцовской квоты;

2. Обеспечение возможности совмещения работы и ухода за ребенком через внедрение гибких графиков работы (Sikorska, 2021, р. 2). Данная мера также направлена на повышение вовлечения отцов в уход за детьми, поскольку отцы чаще выбирают работу в ущерб времени, проводимому с детьми (Cooclin, 2016; Moran & Koslowski, 2019).

Данные принципы реализованы в шведской модели семейной политики, описанной Е. Клушиной, которая называет ключевой ее чертой отпуск по уходу за ребенком, который составляет суммарно около полутора лет. Однако каждому из родителей доступна лишь половина дней из общего количества. Это, по мнению Клушиной, приводит к росту вовлечённости женщин в профессиональную сферу (за счет уменьшения времени, проведенного в отпуске по уходу за ребенком), а мужчин — в ответственное отцовство (за счет увеличения времени, проведенного в отпуске по уходу за ребенком) (Клушина, 2020). Б. Андерссон с соавторами анализируют данную модель поддержки уровня рождаемости в стране и оценивают ее как преимущественно успешную. Авторы замечают, что более молодые отцы оказываются более вовлеченными в родительство, что указывает на прогрессирующую эффективность семейной политики в Швеции. Это же отражается на позитивной динамике уровня рождаемости. Среди эффективных мер по вовлечению отцов отмечается замена в 1974 году оплачиваемого материнского отпуска по уходу за ребенком родительским отпуском с последующим увеличением его последовательно до двенадцати, а затем и восемнадцати месяцев, а также посредством введения квот для отцов в рамках данного отпуска (Andersson, 1993, p. 15).

Т. Лаппегард и Т. Констад проводят анализ влияния вовлеченности отцов на уровень рождаемости в Норвегии по итогам двадцати пяти лет программы по повышению вовлечения отцов в воспитание и уход за детьми. Авторы приходят к выводу, что формирование социальной нормы вовлеченного отцовства позволяет изменить модель ожиданий родителей о распределении семейных ролей в пользу более стабильной, что в свою очередь, облегчает принятие решения о рождении первого и последующих детей. Полиномиальная регрессия позволяет установить, что эффект оказывается более значим для рождения второго ребенка. Основным индикатором социальной нормы оказывается высокая доля отцов, берущих отпуск по уходу за ребенком (Lappegård & Kornstad, 2019).

Выводы о позитивной связи вовлеченности отцов и уровня рождаемости отмечается также и в контексте азиатских стран, на что указывает М. Ишии-Кунтз (Ishii-Kuntz, 2015).

Вовлеченность отцов способствует росту и ряда иных значимых для демографической политики показателей. В частности, речь идет о позитивном влиянии на вес детей при рождении, а также об уровне младенческой смертности и заболеваемости (Teitler, 2001).

Проведенный выше литературный обзор показывает значительную разницу в освещении роли отцов в решении демографических проблем в отечественной и зарубежной литературе. Это связано с различием фокусов национальной демографической политике в разных странах. Отсюда исследовательский вопрос данной статьи: можно ли считать недооценку роли

отцов фактором, негативно влияющим на успешность региональной демографической политики в России?

Исследование является монографическим и выполнено в кабинетном дизайне. Анализируется демографическая ситуация и демографическая политика в одном отдельно взятом регионе РФ, а именно в Псковской области. Выбор региона определяется ярко выраженными в нем тенденциями депопуляции. Подобная ситуация не является типичной для всей страны, есть субъекты федерации, где депопуляция выражена гораздо меньше, или даже имеет место естественный прирост. Однако это лишь доказывает актуальность исследования именно для Псковской области.

Оценка значимости продвижения и поддержки образа ответственного отцовства для решения задачи повышения рождаемости.

Задачи: анализ демографических процессов в Псковской области в сравнительной и ретроспективной перспективах; обзор мер современной региональной демографической политики Псковской области; описание зарубежного опыта продвижения образа ответственного отцовства и его влияния на уровень рождаемости.

Методы исследования: анализ вторичных источников, анализ статистических данных.

Теоретическую рамку исследования составляют: 1) теория гендерного перехода И.Е. Калабихиной (Калабихина, 2021). Основной тезис данной теории состоит в том, что существует положительная связь между уровнем гендерного равенства в семье и обществе и уровнем рождаемости, и что основой успеха пронаталистской политики в современном обществе выступает улучшение баланса «семья-работа» для мужчин и женщин. 2) теория эволюции типов семьи С.И. Голода, описывающая переход от патриархального типа к детоцентристскому, который в современном обществе сменяется супружеским типом семьи (минимально унифицированным и открывающим перспективу для личностного самовыражения) – французская «семья-клуб» и английский «брак между добрыми друзьями» (Голод, 1998).

Основная гипотеза. В современной региональной демографической политике в России недостаточно представлены меры по продвижению образа ответственного отцовства, финансовой и нормативной поддержке отцовской роли, что лишает эту политику значимого ресурса повышения рождаемости.

Анализ динамики демографических процессов в Псковской области

Для анализа успешности/неуспешности региональной демографической политики в Псковской области необходим сравнительный и исторический анализ демографических процессов. Сравнение будет проводиться с другими субъектами Северо-Западного федерального округа (далее –

СЗФО), а исторический анализ охватит период 2005-2022 гг. Это вызвано тем, что в 2006 г. в стране был официально объявлен курс на решение демографических проблем и началась активная пронаталистская демографическая политика¹.

Псковская область входит в группу регионов СЗФО с наименьшей численностью населения (500-600 тыс. чел.)². В нее также входят Новгородская область (575,9 тыс. чел.) и республика Карелия (527,9 тыс. чел.). В Псковской области проживает почти в 10 раз меньше населения, чем в Санкт-Петербурге.

По показателю ожидаемой продолжительности жизни Псковская область занимает последнюю позицию в СЗФО. В целом по стране гендерный разрыв в продолжительности жизни женщин и мужчин в 2022 г. составил 10 лет (у женщин - 77,77 лет, у мужчин - 67,57 лет). В Псковской области этот разрыв составляет почти 12 лет, и отстают именно мужчины. У женщин в сравнении с лидером рейтинга – Санкт-Петербургом отставание составляет 4,49 лет, а у мужчин - 8,35 лет.

По суммарному коэффициенту рождаемости Псковская область находится в середине рейтинга, см. рис. 1. Здесь аутсайдерами выступают наиболее развитые в промышленном отношении субъекты СЗФО. Низкий показатель рождаемости в Ленинградской области частично объясняется близостью Санкт-Петербурга. Многие жительницы области предпочитают рожать в мегаполисе, где медицинская помощь лучше.

¹ Послание Президента В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации 10.05.2006 // Российская газета. 11.05.2006. Федеральный выпуск №4063. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23577>.

² Данные взяты с Официального сайта Федеральной службы государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru/>; Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Псковской области (Псковстат). URL: <https://60.rosstat.gov.ru/>.

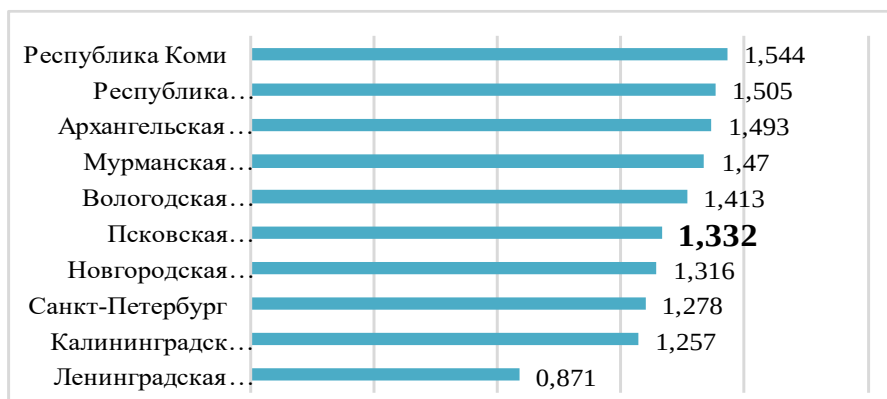

Рисунок 1 – Суммарный коэффициент рождаемости в субъектах СЗФО, 2022

Весьма неблагоприятным является показатель смертности трудоспособного населения в Псковской области (рис. 2). Хотя смертность этой категории населения в Республике Карелия была выше, Псковская область идет сразу второй. В этих двух субъектах она выше, чем в Санкт-Петербурге практически в 2 раза. В Новгородской области, весьма сходной с Псковской по географическому положению, этот показатель в 2022 году составил только 673,6 на 100 тыс. населения. В Архангельской области, являющейся северной территорией, он тоже заметно ниже, чем в Карелии, только 674,6. Это обстоятельство требует специального анализа, но оно в любом случае выступает ярким индикатором низкого качества жизни в регионе.

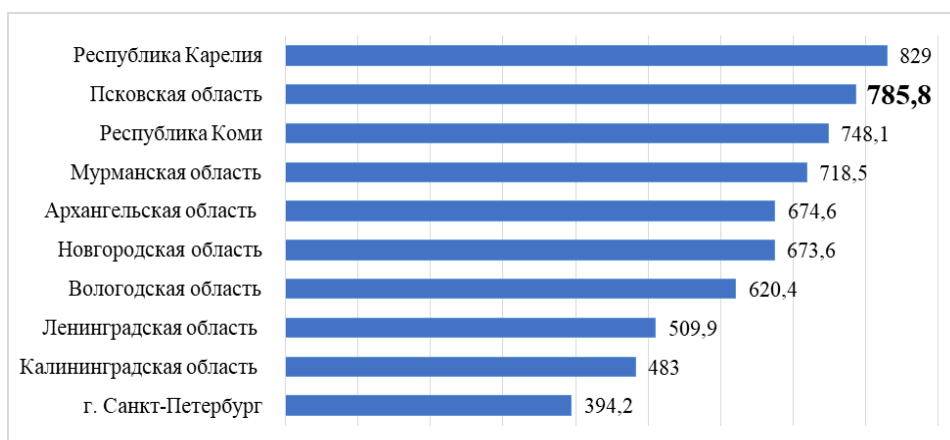

Рисунок 2 – Смертность населения в трудоспособном возрасте (число умерших на 100.000 человек данного возраста), 2022

Псковская область занимала в 2022 году третью позицию по миграционной убыли, ее опережают только северные территории – Мурманская область и Республика Коми. Даже из Архангельской области миграционный отток был ниже (рис. 3).

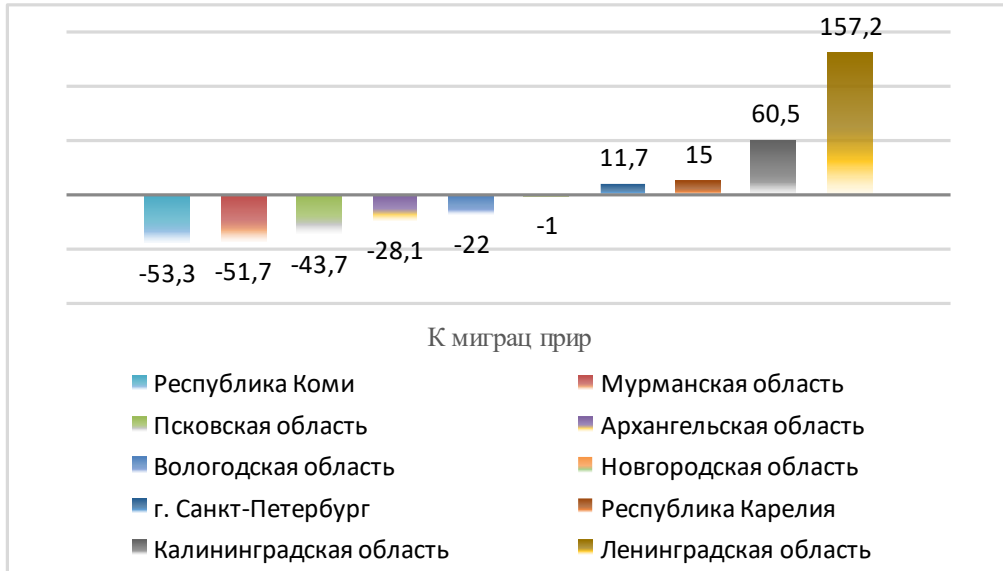

Рисунок 3. Коэффициент миграционного прироста на 10.000 человек в субъектах СЗФО, 2022

Исходя из всего вышеизложенного, можно рассматривать демографическую ситуацию в Псковской области как крайне неблагоприятную. Хотя есть субъекты СЗФО, в которых эта ситуация по отдельным показателям хуже, но это объясняется объективными обстоятельствами – географическим положением, образом жизни мегаполиса и т.п. Псковская область отстает системно сразу по нескольким ключевым параметрам.

Далее рассмотрим ретроспективу, чтобы понять, является такое сложное положение с воспроизводством населения в Псковской области современным явлением, или оно сформировалось уже довольно давно.

На рис. 4 представлена динамика общего коэффициента рождаемости в СЗФО. Все регионы показывают рост этого показателя вплоть до 2015 г., а затем у всех начинается его снижение. Отметим, что Псковская область начинала с более низких стартовых позиций, ниже этот показатель был только в СПб и Ленинградской области. Но если Санкт-Петербург сумел улучшить показатель, и в 2022 году стал лидером округа, то Ленинградской области это не удалось, она так и осталась аутсайдером с показателем общей рождаемости самым низким по стране. Но, как уже отмечалось,

это может быть связано с близостью к Санкт-Петербургу и большой маятниковой миграцией населения.

Псковская область даже немного ухудшила свои позиции, оказалась в 2022 году уже не на третьем, а на втором месте с конца.

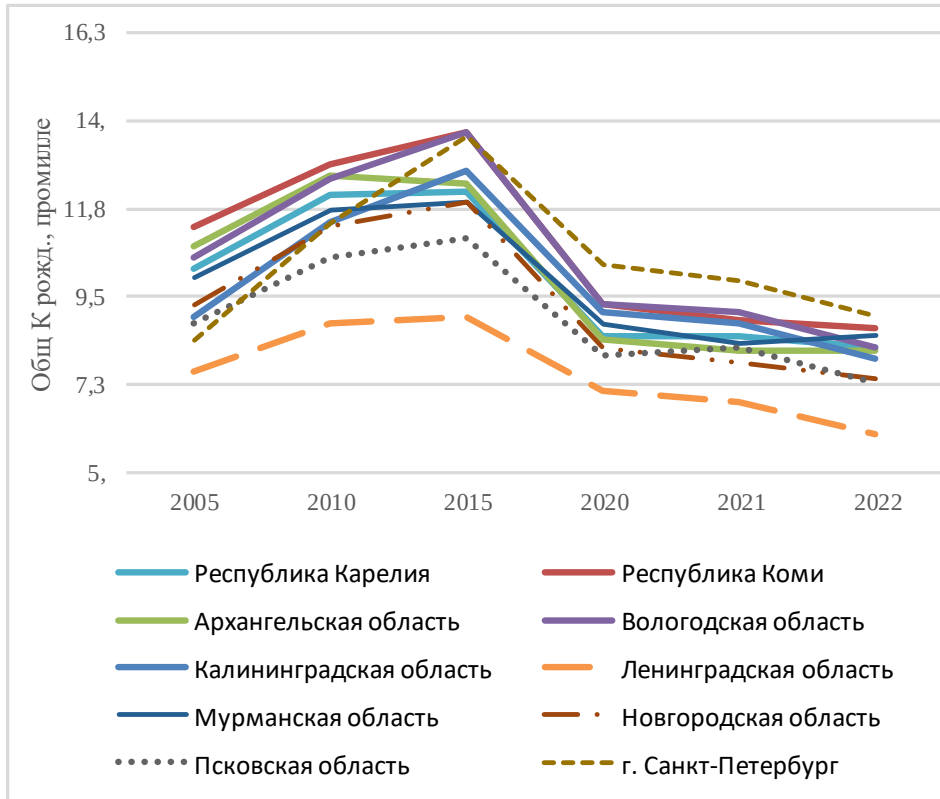

Рисунок 4. Динамика общего коэффициента рождаемости субъектов СЗФО (2005-2022)

На рис. 5 показана динамика смертности населения в трудоспособном возрасте в Псковской области. Хорошо видно резкое снижение этого показателя к 2015 году, но затем эта положительная тенденция прекратилась, и даже наблюдается небольшой рост смертности в сравнении с 2015 годом.

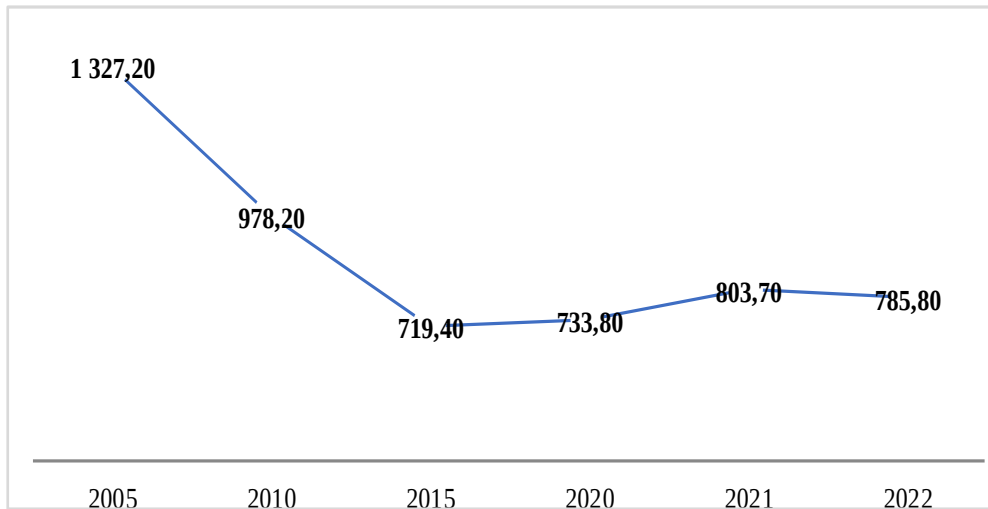

Рисунок 5. Динамика смертности населения Псковской области в трудоспособном возрасте (число умерших на 100 000 человек соответствующего возраста) в Псковской области (2005-2022)

На рис.6 представлена динамика темпов прироста населения в субъектах СЗФО. В отличие от естественного движения населения здесь нет ярко выраженных общих тенденций, можно только выделить регионы-доноры и регионы-реципиенты. Миграционная привлекательность Санкт-Петербурга падает, а Ленинградской области растет, но это во многом связано с политикой привлечения мигрантов, которую проводят эти регионы. Нельзя забывать и о маятниковой миграции из Ленинградской области в Санкт-Петербург. Люди получают регистрацию в Ленинградской области, но фактически живут (арендуют жилье) в Санкт-Петербурге. Ряд районов области, например, Всеволожский, является местом проживания людей, работающих в мегаполисе. В отношении других субъектов СЗФО таких маятниковых миграционных процессов нет, в силу их достаточной территориальной удаленности.

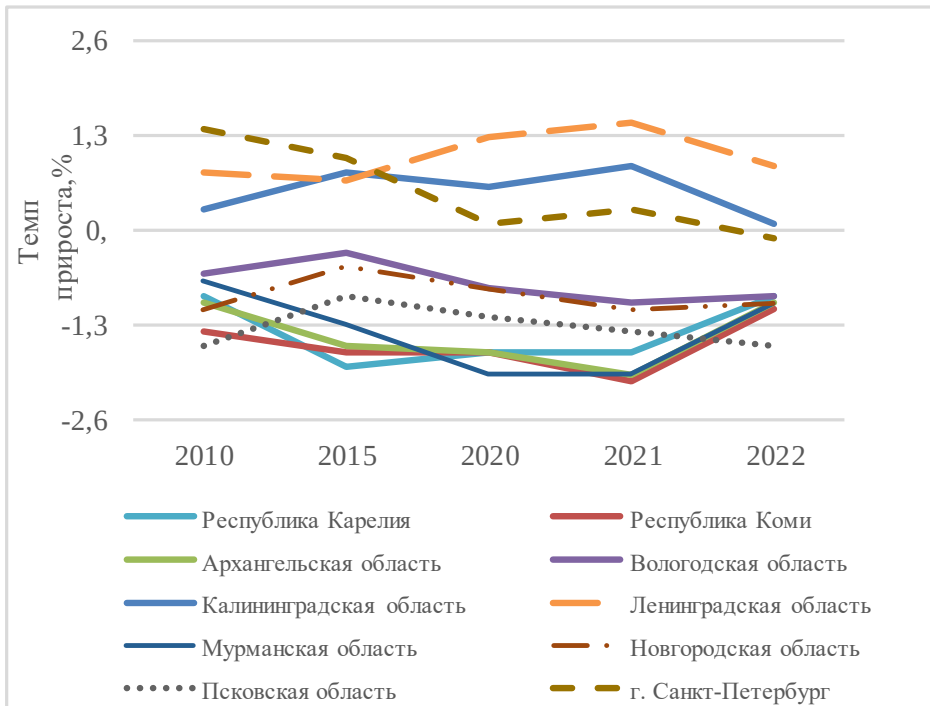

Рисунок 6. Динамика темпов прироста населения в субъектах СЗФО (2005-2022)

В Псковской области, как и в Новгородской, миграционная убыль с 2015 года на протяжении всего периода постепенно нарастает, не испытывая никаких колебаний. Это означает что, факторы, вызывающие отток населения, не изменялись, а только усилились. Как и в случае с общим коэффициентом рождаемости, здесь наблюдается тенденция к выравниванию показателей, хотя условия жизни в субъектах СЗФО заметно различаются.

Подводя итоги, следует отметить большую инерционность демографических процессов в Псковской области. Они изменяются в соответствии с общими тенденциями по СЗФО, но при этом регион не улучшает свои показатели по сравнению с другими субъектами. Как это было, например, в случае с общим коэффициентом рождаемости в Санкт-Петербурге или коэффициентом смертности в Республике Карелия. Ситуация с оттоком населения выглядит в регионе наиболее критичной, потому что даже северные территории смогли сократить миграционную убыль в 2022 году в отличие от Псковской области.

Другими словами, демографическая ситуация в Псковской области была сложной в 2005 году, и спустя 17 лет она практически не изменилась, регион отстает по своим показателям от других субъектов СЗФО даже с менее благоприятными условиями жизни. Наибольшую стабильность демонстрирует показатель миграционной убыли. После 2015 года он монотонно нарастает. По среднему варианту демографического прогноза с 2024 по 2046 гг.¹ Псковская область может потерять 104,5 тыс. жителей, что составляет 18% ее нынешней численности.

Обзор мер региональной демографической политики в Псковской области

В регионе в настоящее время реализуется комплекс мер демографической политики, они прописаны в Стратегии развития Псковской области до 2035 года. Для развития рынка труда и повышения уровня жизни населения субъект Федерации участвует в программах поддержки малого и среднего бизнеса, а также привлечения инвестиций для открытия новых производств².

В Стратегии прописана необходимость развития детских садов, школ, детских площадок, медицинских учреждений, доступных развлекательных объектов, что, безусловно, положительно повлияет на общую ситуацию семей с детьми и на решения многих молодых людей остаться в регионе. Стратегия содержит меры субсидирования ипотечной ставки для поддержки отдельных категорий граждан, в том числе молодых семей, на развитие транспортной доступности. Эти меры, если они будут реализованы в полной мере, создадут комплексную среду, позволяющую семьям чувствовать себя более защищенными, стрессоустойчивыми и менее зависимыми от экономических потрясений.

Конкретно для повышения рождаемости в Псковской области принят комплекс финансовых, социальных и медицинских инициатив (региональный материнский капитал, единовременные выплаты, дополнительные ежемесячные выплаты при рождении третьего и последующих детей, создание специализированных женских консультаций с акцентом на просвещение и кризисную помощь, внедрение программ профилактики аборт, включая выплаты врачам за успешное убеждение сохранить беременность). Все это полностью коррелирует с национальными проектами «Демография» и «Семья».

Отметим, что многочисленные финансовые выплаты не дают устойчивого эффекта, поскольку семьи с 3-5 детьми сегодня не составляют большинства российских семей. При этом далеко не все семьи попадают под программы поддержки (компенсация ЖКУ, бесплатное питание детей в школах),

¹ Демографический прогноз до 2046 г. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>.

² Псковская область планирует укрепить демографию путем комплексного развития территорий. URL: <https://tass.ru/nacionalnye-proekty/15156417>.

например, не все многодетные семьи признаются нуждающимися и получают выплаты, потому что в основе оценки лежат экономические критерии.

Начиная с середины 2010-х гг. в регионе стали уделять внимание активизации отцовского участия в воспитании детей, понимая, что полнота семейной жизни и распределение семейных обязанностей влияют и на демографические решения. Примером служит создание в 2019 году регионально-го Совета отцов, который своей целью ставит укрепление статуса отца в обществе, организацию совместного досуга отцов и детей (спорт, культура, образование) и проведение профилактики семейного неблагополучия. Кроме того, Псковская область присоединилась к всероссийской акции «Отцовский патруль. Мы ГОТОВЫ», инициированной федеральным центром в конце 2018 года. Эта акция направлена на вовлечение детей и родителей (прежде всего пап) в совместные занятия спортом и выполнение норм ГТО. В 2024 году в Пскове комитетом по молодежной политике был организован региональный форум отцов. Во всех перечисленных программах присутствует только моральное стимулирование участников, отцы не получают от этого каких-либо финансовых выгод.

Важно подчеркнуть, что все вышеназванные меры никак не влияют на структурные факторы, снижения рождаемости в регионе, а именно, массовый отток молодежи из-за нехватки рабочих мест и низкой зарплаты в крупные города и старение населения, поэтому они могут только дополнять общую политику региональных властей по улучшению качества жизни в Псковской области. Не требует особых доказательств, что успех возможен только при интеграции демографической политики с программами по улучшению качества образования, создания рабочих мест, здравоохранения, борьбой с бедностью и поддержки баланса семьи и работы для женщин и мужчин.

Если говорить о зарубежном опыте поддержки ответственного отцовства, то нужно начать с того, что в научной литературе выделяется пять типических моделей организации демографической политики в странах, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) (Thevenon, 2011).

Северные страны. Они предоставляют наиболее широкий спектр социальных услуг и поддержки для семей с детьми. Размер государственных трат на одного ребенка достигают 53% подушевого ВВП, что значительно превышает 28,6% в среднем для стран ОЭСР. Государственные расходы включают компенсации отпуска по уходу за ребенком, который также в своей длительности примерно в два раза превышает средние значения для ОЭСР (50-62 недели против 32). Одновременно с мерами по поддержке ухода за детьми, существует разветвленная сеть государственных дошкольных учреждений, в том числе для детей в возрасте до трех лет. Важным пунктом также является поддержание равенства между родителями в затрачиваемом времени по

уходу за ребенком. Это достигается через выделение специальных «отцовских квот» в Финляндии, Норвегии, Исландии, Швеции.

Страны англо-саксонской системы и Швейцария. Политика ориентирована преимущественно на помощь нуждающимся семьям, Обычным семьям уделяется значительно меньшее внимание. Государственные затраты на поддержку детей из семей с одним родителем могут пятикратно превышать таковые для семей, в которых есть оба родителя. Также заметный разрыв наблюдается в размере финансовой поддержки для семей из первого доходного квартиля в сравнении с остальными семьями. Такая таргетированная политика позволяет добиться самого низкого размера затрат на одного ребенка со стороны государства: всего 8,1% от подушенного ВВП. Кроме ориентации на бедные группы населения сохраняется уклон в предпочтение монетарной поддержки, а не государственных социальных услуг.

Южноевропейские страны, Япония и Корея. Относительно небольшие расходы на выплаты по уходу за ребенком. Они составляют 12,5% от подушенного ВВП, один из самых коротких отпусков по уходу за ребенком, он составляет в среднем 17,4 недели против 32 недель во всех странах ОЭСР. Один из самых низких размеров как финансовой помощи, так и числа дошкольных учреждений, а также учреждений по уходу за ребенком (медицинские, социальные и т.д.). Это сбалансировано более низким разрывом в оплате труда между родителями, уходившими в отпуск, и оставшимися непрерывно работать.

Восточноевропейские страны. Из-за более низкого уровня благосостояния стран финансовые пособия по уходу за ребенком в абсолютных цифрах ниже, чем в остальных странах ОЭСР. Однако сохранились очень разные системы социальной инфраструктуры и перечень оказываемых социальных услуг. Лидирует в данной группе Венгрия, которая имеет самую обширную сеть дошкольных учреждений, а также самый длительный отпуск по уходу за ребенком (73 недели против 16 в Польше или 50 в Чехии). В среднем в данной группе всего десятая часть детей получают услуги от дошкольных учреждений.

Страны континентальной Европы. Относительно высокие выплаты при уходе за ребенком, а также налоговые послабления для семей детьми. В среднем страны данной группы тратят 2,2% ВВП на расходы в данной сфере против 1,5% в среднем по странам ОЭСР. Существующая демографическая политика не стимулирует игроков на рынке к предоставлению отпусков по уходу за ребенком в равной степени как матери, так и отцу, оттого время, которое проводят отцы в таком отпуске, значительно меньше (Ferragina, 2020).

Соединенные Штаты Америки, опираясь на общие принципы, которые лежат в основе проводимой социальной политики, может показаться близким государством к группе стран Англо-Саксонской системы, однако при

более детальном рассмотрении, о чем пишут Э. Фераджинна и М. Дэйли, значительно отличается от всех групп, рассмотренных выше стран (Daly & Ferragina, 2017). В частности, в США не используется система прямых выплат семьям. Налоговые послабления для семей с детьми здесь несколько ниже, нежели в группе стран Англо-Саксонской системы, и составляют 8,3% от ВВП на человека. Отметим, что в США не предусмотрены выплаты по уходу за ребенком, а также оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком — как для матерей, так и для отцов. Также в США низкая доля детей, вовлеченных в систему государственных дошкольных учреждений — 28% от общего количества. Рост уровня рождаемости в США за последние годы исследователи связывают преимущественно с изменениями социально-экономических условий — ростом общего уровня качества жизни населения (Adelman, 2023; НО, 2024).

Обобщая вышеизложенное, можно констатировать, что в зарубежных странах нет единого подхода к организации демографической политики, однако есть ряд общих ключевых факторов, позитивно влияющих на показатели рождаемости: наличие оплачиваемого отпуска для отцов по уходу за ребенком и институциональные возможности для совмещения работы и воспитания детей.

Рассуждение по аналогии не позволяет приходить к однозначным выводам о результативности данных мер в Российской Федерации в целом, и в Псковской области, в частности, однако можно ожидать от них положительного эффекта, поскольку Псковская область близка по ряду значимых демографических показателей к странам, где такая политика в момент ее введения оказалась эффективной: Швеция, Норвегия, Исландия. Эти страны, как и Псковская область, обладают высоким уровнем урбанизации, преимущественно нуклеарными семьями, высокой долей людей с высшим образованием и развитой сферой услуг.

Как уже отмечалось, осознавая, что демографическую проблему нельзя решить только материальной поддержкой, власти Псковской области обратились к социально-культурным мероприятиям, направленным на вовлечение отцов в семейную жизнь. В 2019–2024 гг. в области сформировалось движение ответственного отцовства (Совет отцов, акции, форумы). Проекты по повышению роли отца в семье в Псковской области в целом реалистичны, так как опираются на низовой общественный запрос и информационно-организационное сопровождение властей. Совет отцов создан как общественная организация, т.е. не требует больших бюджетных расходов – его сила в энтузиазме самих отцов. Уполномоченные органы (уполномоченный по правам ребенка, комитет по молодежной политике, по образованию и спорту) заинтересованы в партнёрстве и предоставляют этим проектам площадки и информационную поддержку. При этом многое зависит от активности самих участников: легко провести разовое мероприятие (форум, празд-

ник), но системная ежедневная работа (например, регулярные кружки для отцов, консультирование проблемных семей силами активистов) требует времени, самоорганизации и устойчивой мотивации, особенно в случае отсутствия значимой финансовой поддержки. Получение грантов на проведение мероприятий выглядит вполне реалистично – в других регионах советы отцов успешно выигрывали президентские гранты на свои проекты. С помощью этого псковские активисты смогут привлечь ресурсы для реализации своих идей (лагеря отцов и детей, лектории, школы молодого отца и т.п.).

Пока масштабы этих инициатив незначительны. Участие 2,5 тысяч отцов в форумах и спортивных акциях говорит о том, что ядро активных отцов в регионе сформировалось, но оно составляет только 3,5% из почти 73 тыс. мужчин-родителей Псковской области. Географический охват этими инициативами постепенно расширяется: из Пскова и крупных городов движение отцов затрагивает и районы (есть примеры мероприятий в Опочке, Гдове, Великих Луках). В идеале, если в каждом районе при поддержке Совета отцов появятся свои активисты, масштаб их влияния станет региональным.

Эксперты отмечают, что сами по себе клубы и советы отцов не приводят непосредственно к скачку рождаемости – их задача скорее качественная: изменить установки и повысить престиж семьи. Тем не менее, это важная часть комплексной демографической политики. В сочетании с материальными стимулами такие инициативы создают всеобъемлющую поддержку семьи: и материальную, и морально-психологическую. Если финансовые выплаты снимают часть экономических барьеров, то работа с отцами снимает важные психологические барьеры (страх «не справиться» с ребенком, столкнуться с осуждением либо насмешками со стороны ближайшего окружения, ревность со стороны матери). В этом смысле потенциал результативности «отцовских» программ проявится постепенно – в виде более крепких семей и желании заводить детей в атмосфере партнерства.

Политика большинства парламентских фракций Псковского областного собрания депутатов не обращена непосредственно к проблематике отцовства. В настоящий момент в законодательном собрании Псковской области представлено шесть фракций: «ЛДПР», «Новые Люди», «Яблоко», «Единая Россия», «Справедливая Россия – Патриоты – За правду», «КПРФ». На сайте регионального отделения «Единой России» представлена одна программа – «Народная программа Единой России». В программе упоминается следующее положение: «Для укрепления семейных ценностей установить в России День отца». В программе партии «Справедливая Россия – Патриоты – За Правду» есть такой пункт программы «Проведение на постоянной основе пропагандистских кампаний, создающих позитивный имидж многодетной семьи, материнства, отцовства и традиционных семейных ценностей».

На сайте регионального отделения ЛДПР опубликованы две программы: «Предвыборная программа политической партии ЛДПР – Либерально-

Демократической Партии России на дополнительных выборах депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации» и «Предвыборная программа ЛДПР “Дело Жириновского живёт”». В них вообще не упоминаются инициативы, направленные на поддержку ответственного отцовства. В пяти программах регионального отделения партии «Яблоко» («Город для людей», «Сохраним Псковскую область», «Программа Псковского “ЯБЛОКА” на выборах депутатов Псковского областного Собрания шестого созыва», «Муниципальная программа Псковского регионального отделения партии “ЯБЛОКО”», «Программа Псковского “ЯБЛОКА” на выборах депутатов Псковского областного Собрания для города Пскова») также не акцентируется внимание на проектах о вовлеченном отцовстве. Это же справедливо и для программы партии «Новые Люди» – «Программа партии», а также для программы партий КПРФ («Программа партии»). Тем самым можно констатировать, что вопросы продвижения вовлеченного отцовства не находят заметного отражения в программах фракций политических партий, входящих в региональный орган представительной власти Псковской области.

Для успеха программ по повышению отцовской роли важна постоянность, необходима регулярная работа, например наставничество опытных отцов для молодых, система обмена практическими советами, вовлечение отцов в работу школ и детских садов (классные часы с папами, совместные мероприятия). Сложностью является то, что наиболее активные участники – и без того благополучные семьи. Труднодостижимая аудитория – отцы из неблагополучных семей этими программами пока не охвачена, а именно там часто кроются проблемы (алкоголизм, единоличное воспитание матерью и пр.). Поэтому эффективность программ по повышению отцовской роли будет зависеть от того, удастся ли советам отцов и социальным службам привлечь широкие слои родителей-мужчин, а не превратиться в клуб по интересам небольшой группы.

Государственная награда орден «Родительская слава», учрежденный в 2008 году, выдается ежегодно семьям, которые воспитали 7 детей или больше. Награждение орденом сопровождается денежной выплатой – 500 000 рублей. Кроме ордена «Родительская слава», есть одноимённая медаль, её вручают семьям, которые воспитали 4-х детей. Денежное вознаграждение к ней 200 000 рублей. Подчеркнем, что получает эти деньги семья в целом, а не отец или мать. При этом звание «Мать-героиня» существует с 1944 года, а с 2022 года награждённой матери выплачивается единовременное денежное поощрение в размере 1 млн рублей, однако, несмотря на предложение АНО «Национальные приоритеты», пока не учреждена награда многодетным отцам.

Российское государство поддерживает семью и мать, а такой ресурс демографической политики как вовлеченное отцовство оказывается недооцененным. Социальный эффект вовлеченного отцовства может быть значи-

тельным, хотя и труднее измеримым, чем прямая финансовая поддержка семьи. Повышение роли отца в воспитании детей способствует более благополучной семейной обстановке и гармоничному развитию детей. В семьях, где обязанности по уходу за ребенком распределяются между обоими родителями более равномерно, матери испытывают меньше стресса и с большей вероятностью могут решиться на рождение второго и последующих детей. Кроме того, активное участие отцов в делах семьи снижает риск семейных конфликтов и разводов, что в долгосрочной перспективе создает более стабильную среду для роста рождаемости.

Лоббирование «отцовских» инициатив в России представляет собой пример мягкого политического влияния, когда общественные движения и организации используют релевантные информационные поводы, коммуникацию с властью, медийные ресурсы и поддержку авторитетных лидеров мнений, чтобы добиться принятия соответствующих политических решений. Власть охотно идет на встречу подобным инициативам, поскольку они совпадают с актуальным политическим курсом на поддержку семьи и традиционных ценностей. Например, «День отца», введенный в 2021 году, является результатом неоднократных обращений Союза отцов, экспертов и Общественной палаты к Президенту РФ. Однако, поддерживаются властью далеко не все инициативы, например законопроекты по расширению прав отцов на декретный отпуск, увеличению социальной поддержки одиноких отцов и семей с детьми, где роль отца особенно значима, пока находятся на стадии обсуждения.

В то же время, необходимо отметить, что зарубежная демографическая политика, использующая ресурс вовлеченного отцовства, также не свободна от противоречий.

Если рассматривать показатель рождаемости, как признак, по которому можно оценивать эффективность проводимой демографической политики, то группа Северных стран, стран Континентальной Европы и США лидируют в сравнении с остальными. Рестриктивные меры, принимаемые в отдельных странах (например, запрет аборт в Польше) не оказывают существенного влияния на демографическую политику (Fiala et al., 2022; Zabera et al., 2021). В последние годы, начиная с 2022, в группе Северных стран и стран Континентальной Европы наблюдается снижение уровня рождаемости при сохранении принятых странами политик (Neino, 2024). Исследователи выдвигают несколько основных предположений о причинах данных изменений.

Первое из них связано с пандемией COVID-19 и организуемыми локдаунами. Л. Помар с соавторами отмечают, что локдаун сопровождается отложенным снижением рождаемости, а происходящее после восстановление не позволяет полностью компенсировать наблюдавшееся снижение (Pomar, 2022). В европейских странах двух вышеприведённых групп (Северные и

Континентальной Европы) были одни из самых строгих политик в отношении локдаунов.

М. Уинклер-Дворак с соавторами развивают далее линию рассуждений о связи пандемии и уровней рождаемости. Пандемия сформировала у граждан чувство финансовой незащищенности и неуверенности в будущем материальном благополучии, которое оставалось высоким и на момент проведения исследования — начало 2022 года. В этот же период снижение рождаемости было обусловлено двухкомпонентным дизайном вакцин, которые использовались во время пандемии, поскольку многие женщины отказывались от беременности на период между вакцинациями первым и вторым компонентом. Восстановление же уровня рождаемости после второй вакцинации не позволяло в полной мере компенсировать снижение после первой полученной дозы, как и в случае с локдаунами (Winkler-Dworak, Zeman & Sobotka, 2024).

Интересными видятся выводы Р. Харт и К. Холст о том, что причина снижения рождаемости, как минимум в Северных странах, заключается в сознательном отказе властей от ориентации на высокий уровень рождаемости. Харт и Холст обнаруживают, что уровень рождаемости как ключевой показатель оказывается релевантным только для первых стратегических документов демографической политики конца 1970-х годов. Последняя действующая стратегия, принятая в 2017 году, смещает фокус от показателя рождаемости к показателям благополучия населения, а также не проблематизирует в должной мере низкий уровень рождаемости (Hart & Holst, 2024). Дж. Джонстон формулирует это изменение более явно, когда отмечает конфликт двух дискурсов: пронаталисткой демографической политики и дискурса свобод человека. Концентрация на последних ведет к уходу от терминологии, включающей в себя «уровень рождаемости», «фертильность» и др. демографические показатели (Johnston, 2025).

Россия продолжает переживать депопуляцию, в связи с этим государством в 2019-2024 гг. реализовался национальный проект «Демография», а в 2025-2030 гг. будет реализован проект «Семья». Однако ни в одном из этих проектов специально не прописана роль отца и ответственного отцовства, в то время как в зарубежных странах это значимый элемент государственной демографической политики.

Псковская область – субъект СЗФО, в котором на протяжении последних 20 лет сохраняются негативные тенденции как в естественном, так и в механическом движении населения. Хотя региональная демографическая политика разрабатывается и реализуется в рамках общих установок государства по поддержке семьи и материнства, негативные тенденции переломить пока не удается.

Зарубежных опыт свидетельствует, что роль ответственного и вовлеченного отца нуждается не только в информационно-идеологической под-

держке со стороны гражданского общества и активистов родительского движения, но и в материально-нормативной поддержке со стороны государства. Только в этом случае ответственное отцовство может стать одним из дополнительных ресурсов повышения рождаемости и укрепления института семьи в Псковской области и в стране в целом.

Поскольку Россия уже находится на этапе гендерного перехода, связанного с выходом женщин на рынок труда, а семьи в основном стали партнерскими, а не патриархальными или детоцентричными, значимое повышение рождаемости возможно только на пути развития современных гендерных ролей, предполагающих активное участие мужчин в жизни семьи. Апелляция к образу матери, полностью погруженной в дела семьи и воспитания детей, уже не отвечает реалиям современного общества.

Анализ полученных результатов необходимо вести с учетом ряда ограничений, а именно:

- демографические процессы исследовались только в одном субъекте Российской Федерации – Псковской области, который нельзя считать типичным для всей страны; не проводились сравнительные исследования распространенности и результативности проектов развития вовлеченного отцовства в различных регионах страны и их влияния на повышение рождаемости и укрепление института семьи;

- в исследовании не использовался метод моделирования, позволяющий проводить анализ демографической политики с учетом и без учета фактора вовлеченного отцовства;

- в ходе работы не проводились эмпирические социологические исследования, позволяющие изучить репродуктивные установки конкретно населения Псковской области;

- при описании причин снижения рождаемости в регионе не анализировались такие объективные факторы как уменьшение контингента женщин активного репродуктивного возраста.

Можно выделить следующие направления дальнейших исследований в избранной теме: 1) сравнительный анализ низовой активности родителей-мужчин в разных регионах страны; 2) моделировании демографических процессов для оценки значимости фактора вовлеченного отцовства.

Представленная в статье дискуссия позволяет поставить вопрос о границах влияния эффекта вовлеченного отцовства на показатель рождаемости. Не исключено, что при достижении определенного уровня гендерного равенства в обществе через стимулирование выхода женщин на рынок труда и вовлечение мужчин в семейную жизнь, позитивный эффект подобной политики может быть утрачен в силу рутинизации самого явления вовлеченного отцовства. Для проверки данного предположения необходимы дальнейшие исследования.

Литература

- Adelman, S., et al. (2023). State-specific fertility rate changes across the USA following the first two waves of COVID-19. *Human Reproduction*, 38(6), 1202-1212.
- Andersson, B.-E., Kihlblom, U., & Sandqvist, K. (1993). Rising birth rate in Sweden: A consequence of the welfare state and family policy? *Childhood*, 1(1), 11-25.
- Cooklin, A. R., et al. (2016). Fathers at work: Work-family conflict, work-family enrichment and parenting in an Australian cohort. *Journal of Family Issues*, 37(11), 1611-1635.
- Daly, M., & Ferragina, E. (2017). Family policy in high-income countries: Five decades of development. *Journal of European Social Policy*, 28(3), 255-270. <https://doi.org/10.1177/0958928717735060>.
- Ferragina, E. (2020). Family policy and women's employment outcomes in 45 high-income countries: A systematic qualitative review of 238 comparative and national studies. *Social Policy & Administration*, 54(7), 1016-1066.
- Fiala, C., et al. (2022). Abortion: Legislation and statistics in Europe. *The European Journal of Contraception & Reproductive Health Care*, 27(4), 345-352.
- Hart, R. K., & Holst, C. (2024). What about fertility? The unintentional pro-natalism of a Nordic country. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*, 31(3), 429-454.
- Heino, A., et al. (2024). Perinatal statistics in the Nordic countries 2022.
- Ho, C., & Wang, Y. (2024). Social institutions and low birth rates. https://ink.library.smu.edu.sg/soe_research/2770.
- Ishii-Kuntz, M. (2015). Fatherhood in Asian contexts. In *Routledge handbook of families in Asia* (pp. 161-174). Routledge.
- Johnston, J. (2025). Reframing low birth rates as an existential opportunity. *Journal of Ethics and Emerging Technologies*, 35(2), 1-8.
- Kashina, M., & Tkach, S. (2021). Fatherhood escape as a significant feature of the gender contract of Russian men. *International Journal of Sociology and Social Policy*, 41(9/10), 1058-1071. <https://doi.org/10.1108/IJSSP-09-2020-0426>.
- Lappegård, T., & Kornstad, T. (2019). Social norms about father involvement and women's fertility. *Social Forces*. <https://doi.org/10.1093/sf/soz124>.
- Moran, J., & Koslowski, A. (2019). Making use of work-family balance entitlements: How to support fathers with combining employment and caregiving. *Community, Work & Family*, 22(1), 111-128.
- Pomar, L., et al. (2022). Impact of the first wave of the COVID-19 pandemic on birth rates in Europe: A time series analysis in 24 countries. *Human Reproduction*, 37(12), 2921-2931.
- Sikorska, M. (2021). Is it possible to increase the fertility rate in Poland (IBS Policy Paper). Warsaw: Institute for Structural Research, 1-13.
- Teitler, J. O. (2001). Father involvement, child health and maternal health behavior. *Children and Youth Services Review*, 23(4-5), 403-425. [https://doi.org/10.1016/s0190-7409\(01\)00137-2](https://doi.org/10.1016/s0190-7409(01)00137-2).
- Thévenon, O. (2011). Family policies in OECD countries: A comparative analysis. *Population and Development Review*, 37(1), 57-87.
- Winkler-Dworak, M., Zeman, K., & Sobotka, T. (2024). Birth rate decline in the later phase of the COVID-19 pandemic: The role of policy interventions, vaccination programmes, and economic uncertainty. *Human Reproduction Open*, 2024(3), hoae052.
- Zaręba, K., et al. (2021). The influence of abortion law on the frequency of pregnancy terminations: A retrospective comparative study. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18(8), 4099. <https://doi.org/10.3390/ijerph18084099>

Бекетова, Е. Н., Мамедова, Л. В. (2022). Классификация ролевых моделей отцовства. Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования, 11(4-1), 219–226. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.42.82.018>.

Безрукова, О. Н. (2022). Межпоколенческая трансляция практик отцовства в молодых семьях. Семья и преемственность поколений: Материалы Международного симпозиума. Ивановский государственный университет, 60-64.

Безрукова, О. Н., Самойлова, В. А. (2020). Материнский гейткипинг в России: молодые отцы о матерях и барьерах доступности детей после развода. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 3(157), 463-498. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1680>.

Безрукова, О. Н., Самойлова, В. А. (2022). Отцовство в современной России: смыслы, ценности, практики и межпоколенческая трансляция. Социологические исследования, 2, 94-106. <https://doi.org/10.31857/S013216250016970-0>.

Безрукова, О. Н., Сорокина, А. И. (2024). Девиантное поведение подростков: фактор отца. Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология, 10(76)(4), 3-18.

Бурова, С. Н. (2015). Современная семья: крах или другая жизнь? Социология, 2, 4-15.

Голод, С. И. (1998). Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб: ТОО ТК «Петрополис».

Горлатых, А. Ю., Абрамов, А. П. (2025). Гендерные роли в семье: меняющиеся ожидания и обязанности. Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент, 15(1), 247-259. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-1-247-259>.

Гурко, Т. А. (2022). Развитие института родительства: анализ эмпирических показателей. Женщина в российском обществе, 4, 3-14. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.4.1>.

Иванова, Е. А. (2018). Алименты как множественные деньги: контрибуция, обязательство или забота? Исследование практик содержания ребёнка отцами после развода. Экономическая социология, 19(4), 101-133. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2018-4-101-133>.

Илларионова, А. Ю., Горетая, В. Ю. (2023). Трансформация гендерных ролей в семье: институт отца и институт матери в традиционных обществах. Тенденции развития науки и образования, 104-1, 170-173. <https://doi.org/10.18411/trnio-12-2023-47>.

Калабихина, И. Е. (2021). Как мы узнаем, что наступает гендерное равенство? Женщина в российском обществе, 2, 3-16. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.2.1>.

Кашина, М. А., Клецина, И. С. (2023). Ролевой конфликт работающей женщины и его преодоление как предмет научных исследований и задача гендерной политики. PolitBook, 4, 22-34. <https://doi.org/10.24412/2227-1538-2023-4-22-34>.

Клушина, Е. А. (2020). Семейная политика в Швеции: исторический, социально-экономический и политический контексты. Вестник Северо-Кавказского федерального университета, 3(78), 166-171. <https://doi.org/10.37493/2307-907X.2020.3.19>.

Латышева, Ю. А. (2013). Феномен отцовства: современные исследования. Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика, 19(1), 47-51.

Оганесова, Н. Л. (2023). Семейные кризисы и развод как утрата семьи. На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания, 3(27), 418-423.

Подкладова, Т. Д. (2016). Мужчина-отец в семье и обществе: вовлеченность vs. исключенность. Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 1(33), 107-112. <https://doi.org/10.17223/1998863X/33/11>.

Прокофьева, Л., Валетас, М.-Ф. (2002). Отцы и их дети после развода. Социологические исследования, 6, 111-115.

Синельников, А. Б. (2015). Супружество, отцовство и материнство в российском обществе. Социологический журнал, 21(4), 132-148. <https://doi.org/10.19181/socjour.2015.21.4.3068>.

Сопина, Е. Л. (2016). Роль мужчины в современной семье. Общество и цивилизация, 2, 57-59.

Шевченко, И. (2018). Зачем нужны отцы: размышления детей о важности отцов и их роли в семье. Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение, 2(12), 65-73. <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2018-2-65-73>.

Шевченко, И. О. (2023). Эволюция научных исследований отцовства. Вестник Института социологии, 14(3), 175-196. <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.3.12>.

References

Adelman, S., et al. (2023). State-specific fertility rate changes across the USA following the first two waves of COVID-19. *Human Reproduction*, 38(6), 1202-1212.

Andersson, B.-E., Kihlblom, U., & Sandqvist, K. (1993). Rising birth rate in Sweden: A consequence of the welfare state and family policy? *Childhood*, 1(1), 11-25.

Beketova, E. N., & Mamedova, L. V. (2022). Classification of fatherhood role models. *Psychology: Historical-Critical Reviews and Contemporary Research*, 11(4-1), 219-226. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.42.82.018> (in Russ).

Bezrukova, O. N., & Samoilova, V. A. (2020). Maternal gatekeeping in Russia: Young fathers on mothers and barriers to child access after divorce. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3(157), 463-498. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1680> (in Russ).

Bezrukova, O. N., & Samoilova, V. A. (2022). Fatherhood in contemporary Russia: Meanings, values, practices, and intergenerational transmission. *Sociological Studies*, (2), 94-106. <https://doi.org/10.31857/S013216250016970-0> (in Russ).

Bezrukova, O. N., & Samoilova, V. A. (2022). Intergenerational transmission of fatherhood practices in young families. In *Family and Intergenerational Continuity: Proceedings of the International Symposium, Ivanovo-Plyos, September 30 – October 1, 2022* (pp. 60-64). Ivanovo State University (in Russ).

Bezrukova, O. N., & Sorokina, A. I. (2024). Deviant adolescent behavior: The father factor. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology, Pedagogy, Psychology*, 10(76)(4), 3-18 (in Russ).

Burova, S. N. (2015). Modern family: Collapse or another life? *Sociology*, (2), 4-15 (in Russ).

Cooklin, A. R., et al. (2016). Fathers at work: Work-family conflict, work-family enrichment and parenting in an Australian cohort. *Journal of Family Issues*, 37(11), 1611-1635.

Daly, M., & Ferragina, E. (2017). Family policy in high-income countries: Five decades of development. *Journal of European Social Policy*, 28(3), 255-270. <https://doi.org/10.1177/0958928717735060>.

Ferragina, E. (2020). Family policy and women's employment outcomes in 45 high-income countries: A systematic qualitative review of 238 comparative and national studies. *Social Policy & Administration*, 54(7), 1016-1066.

Fiala, C., et al. (2022). Abortion: Legislation and statistics in Europe. *The European Journal of Contraception & Reproductive Health Care*, 27(4), 345-352.

Golod, S. I. (1998). Family and marriage: A historical-sociological analysis. *Petropolis* (in Russ).

Gorlatykh, A. Yu., & Abramov, A. P. (2025). Gender roles in the family: Changing expectations and responsibilities. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management*, 15(1), 247–259. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-1-247-259> (in Russ).

Gurko, T. A. (2022). Development of the parenting institution: An analysis of empirical indicators. *Woman in Russian Society*, (4), 3–14. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.4.1> (in Russ).

Hart, R. K., & Holst, C. (2024). What about fertility? The unintentional pro-natalism of a Nordic country. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*, 31(3), 429-454.

Heino, A., et al. (2024). Perinatal statistics in the Nordic countries 2022.

Ho, C., & Wang, Y. (2024). Social institutions and low birth rates. https://ink.library.smu.edu.sg/soe_research/2770

Illarionova, A. Yu., & Goretaya, V. Yu. (2023). Transformation of gender roles in the family: Institutions of fatherhood and motherhood in traditional societies. *Trends in the Development of Science and Education*, (104-1), 170-173. <https://doi.org/10.18411/trnio-12-2023-47> (in Russ).

Ishii-Kuntz, M. (2015). Fatherhood in Asian contexts. In *Routledge handbook of families in Asia* (pp. 161-174). Routledge.

Ivanova, E. A. (2018). Alimony as multiple monies: Contribution, obligation, or care? A study of fathers' practices of child support after divorce. *Economic Sociology*, 19(4), 101-133. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2018-4-101-133> (in Russ).

Johnston, J. (2025). Reframing low birth rates as an existential opportunity. *Journal of Ethics and Emerging Technologies*, 35(2), 1-8.

Kalabikhina, I. E. (2021). How do we know that gender equality is being achieved? *Woman in Russian Society*, (2), 3-16. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.2.1> (in Russ).

Kashina, M. A., & Kletsina, I. S. (2023). Role conflict of working women and its overcoming as a subject of scientific research and gender policy objectives. *PolitBook*, (4), 22-34. <https://doi.org/10.24412/2227-1538-2023-4-22-34> (in Russ).

Kashina, M., & Tkach, S. (2021). Fatherhood escape as a significant feature of the gender contract of Russian men. *International Journal of Sociology and Social Policy*, 41(9/10), 1058-1071. <https://doi.org/10.1108/IJSSP-09-2020-0426>

Klushina, E. A. (2020). Family policy in Sweden: Historical, socio-economic, and political contexts. *Bulletin of North Caucasus Federal University*, 3(78), 166-171. <https://doi.org/10.37493/2307-907X.2020.3.19> (in Russ).

Lappegård, T., & Kornstad, T. (2019). Social norms about father involvement and women's fertility. *Social Forces*. <https://doi.org/10.1093/sf/soz124>

Latysheva, Y. A. (2013). Fatherhood phenomenon: Contemporary research. *Bulletin of Kostroma State University*, 19(1), 47-51 (in Russ).

Moran, J., & Koslowski, A. (2019). Making use of work-family balance entitlements: How to support fathers with combining employment and caregiving. *Community, Work & Family*, 22(1), 111-128.

Oganesova, N. L. (2023). Family crises and divorce as a loss of family. *At the Intersection of Languages and Cultures. Current Issues in Humanities*, 3(27), 418-423 (in Russ).

Podkladova, T. D. (2016). Father in the family and society: Inclusion vs exclusion. Bulletin of Tomsk State University, Philosophy, Sociology, Political Science, 1(33), 107-112. <https://doi.org/10.17223/1998863X/33/11> (in Russ).

Pomar, L., et al. (2022). Impact of the first wave of the COVID-19 pandemic on birth rates in Europe: A time series analysis in 24 countries. Human Reproduction, 37(12), 2921-2931.

Prokofyeva, L. & Valetas, M.-F. (2002). Fathers and their children after divorce. Sociological Studies, (6), 111-115 (in Russ).

Shevchenko, I. (2018). Why fathers are needed: Children's reflections on the importance of fathers and their role in the family. Bulletin of the Russian State University for the Humanities, Series: Philosophy, Sociology, Art Studies, 2(12), 65-73. <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2018-2-65-73> (in Russ).

Shevchenko, I. O. (2023). Evolution of scientific studies on fatherhood. Bulletin of the Institute of Sociology, 14(3), 175-196. <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.3.12> (in Russ).

Sinelnikov, A. B. (2015). Marriage, fatherhood, and motherhood in Russian society. Sociological Journal, 21(4), 132-148 <https://doi.org/10.19181/socjour.2015.21.4.3068> (in Russ).

Sikorska, M. (2021). Is it possible to increase the fertility rate in Poland (IBS Policy Paper). Warsaw: Institute for Structural Research, 1-13.

Sopina, E. L. (2016). The role of men in the modern family. Society and Civilization, 2, 57-59 (in Russ).

Teitler, J. O. (2001). Father involvement, child health and maternal health behavior. Children and Youth Services Review, 23(4-5), 403-425. [https://doi.org/10.1016/s0190-7409\(01\)00137-2](https://doi.org/10.1016/s0190-7409(01)00137-2).

Thévenon, O. (2011). Family policies in OECD countries: A comparative analysis. Population and Development Review, 37(1), 57-87.

Winkler-Dworak, M., Zeman, K., & Sobotka, T. (2024). Birth rate decline in the later phase of the COVID-19 pandemic: The role of policy interventions, vaccination programmes, and economic uncertainty. Human Reproduction Open, 2024(3), hoae052.

Zaręba, K., et al. (2021). The influence of abortion law on the frequency of pregnancy terminations: A retrospective comparative study. International Journal of Environmental Research and Public Health, 18(8), 4099. <https://doi.org/10.3390/ijerph18084099>.

Для цитирования: Васильева, В. А. Повышение значимости отцовской роли как недооцененный ресурс региональной демографической политики в условиях депопуляции / В. А. Васильева, М. А. Кашина, С. Ткач // PolitBook. – 2025. – № 2. – С. 153-180. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-2-153-180